

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141

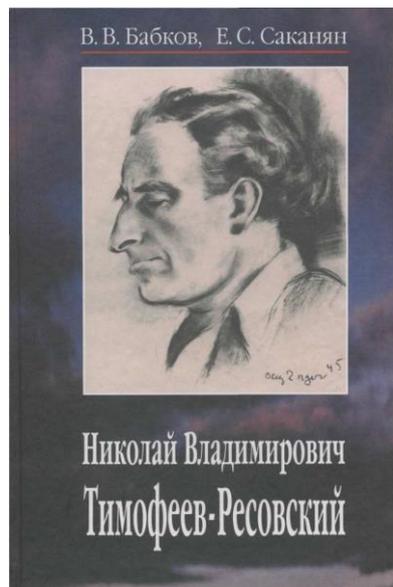
Б.Ф. Чадов

Институт цитологии и генетики СО РАН, г. Новосибирск

ПОСЛАНИЕ XXI ВЕКУ
(к 35-летию со дня кончины Н.В. Тимофеева-Ресовского)

Цивилизация подошла к знаменательному рубежу, когда социальные и политические события, включая крупнейшие — войны и революции, по силе воздействия на мировой порядок (ход истории) начинают уступать событиям культурным. Как знак наступающих перемен, как пророчество и послание XXI веку, прозвучала в мире жизнь выдающегося человека, Н.В. Тимофеева-Ресовского.

В московском издательстве «Памятники исторической мысли» вышла книга «Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский» В.В. Бабкова и Е.С. Саканян. Бабков — биолог, генетик и историк науки. Саканян — биолог и кинорежиссер. Оба, каждый по-своему, знали Тимофеева-Ресовского, оба оценили значимость его личности и приняли деятельное участие в представлении ее миру в истинном свете. В том, как написана книга, в свою очередь, много «timoфеевского».

Книга представлена как историческая панорама, состоящая из трех частей, или слоев: первый слой - научный вклад Н.В. Тимофеева-Ресовского в естествознание XX века; второй - его жизнь и социальные потрясения столетия, прошедшие по его судьбе и высвеченные в драматической истории борьбы за его посмертную реабилитацию. И третий - архивные приложения: та же жизнь, но бесстрастно рассказанная слогом документа.

Впервые Тимофеев-Ресовский появился на общественном российском небосклоне в образе «Зубра» — так его назвал Д. Гранин в документальной повести, сравнив с сильным, величественным и уходящим в небытие животным. («Зубр не приручаем», - цитирует Саканян зубровода Михаила Заблоцкого.) Действительно, у многих знавших Тимофеева-Ресовского оставалось трудно определяемое ощущение «несовременности» его натуры.

Одно указание на причину «несовременности» мы помним из рассказов самого Н.В. Тимофеева-Ресовского. Он шутливо говорит, что предпочитает вести себя «по возможности барственно». Другое, согласное с первым, содержится в книге: в заключении к первой части авторы ссылаются на речь Герберта Уэллса «Человек науки как аристократ» 1941 года, включенную Н.В. Тимофеевым-Ресовским в его коллекцию отписок. «Неважно, беден он или богат, неуклюж или потрепан, — говорит Уэллс. — Без какой либо претензии на ложную скромность он должен нести себя как аристократ не

только внутри себя, но и среди равных ему, нравится это им или нет. Он ключевой человек Нового Мира».

Постоянное и не подлежащее сомнению ощущение ценности своей личности и аристократическое пренебрежение тем, что «говорят все», оказываются не порочными, а ценными свойствами для творчества. То общинное поведение и умонастроение, что прививалось в советской России и стало частью каждого из нас, Тимофееву-Ресовскому было чуждо. Если к этому добавить вежливость и учтивость, черты не советского происхождения, то «ископаемость» Н.В. в глазах современников становится понятной.

В отличие от всех других, в этой книге личность Н.В. Тимофеева-Ресовского предстает в нескольких ракурсах. Книга необычна по композиции: на строгое изложение научного наследия Тимофеева-Ресовского последовательно наслаивается как история его жизни, так и архивный материал, включая и «говорящий», драматургически выстроенный фоторяд. Каждый из трех слоев особенный и интересен по-своему, но вместе они дают потрясающий эффект: создается ощущение реальной жизни и включенности в события. Ощущение полноты создается не только разнородностью материала, но и сочетанием двух подходов к теме: рационального (научного, документального) и образного – художественного. Как литературное произведение книга уникальна.

Первая часть книги – это первая и в то же время полная научная биография Тимофеева-Ресовского. Она восполняет серьезный пробел в литературе по истории естествознания XX века. Для современных исследователей, на мой взгляд, особый интерес представят главы: вторая (феноменология реализации генов), четвертая (популяции и микроэволюция) и седьмая (радиационная биогеоценология) – в них речь идет о проблемах сегодняшнего дня биологии. Постановка Тимофеевым-Ресовским этих проблем и его подходы интересны и поучительны. В книге Бабкова и Саканян наука предстает в виде культурного феномена; так науку воспринимал Тимофеев, так ее воспринимали его великие учителя и круг его друзей.

Резюмируя научную деятельность героя, Бабков утверждает, что «целью научной жизни Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского было создание основ для будущей теоретической биологии». С этим нельзя не согласиться. На деле, он и был биологом-теоретиком. Подход, характерный для теоретической физики, он применял к проблемам, встающим в биологии, – а это большая редкость. Биолог-экспериментатор и биолог-теоретик – разные типы (мозги разные). Один стремится к решающему опыту и утверждению на его основе одной из гипотез. Другой – к концептуальной точности и аксиоматизации своей области. Без сомнения, контакты Тимофеева-Ресовского с физиками и математиками объясняют то, что ему был близок их стиль мышления. Большинству биологов такой стиль мышления чужд.

Этот стиль его мозговой деятельности, как показано в книге, был органично связан с другой его отличительной чертой: публичностью творчества. Семинары, лекции, трепы, школы, общение и беседы с множеством людей – размышление на людях. Это размышление отличается от размышления в одиночестве тем, что оно использует эмоциональный допинг, возникающий в аудитории. Так вести себя может по преимуществу теоретик. Экспериментатор считает, что опыт говорит сам за себя, и не будет спорить: он пойдет проводить такой эксперимент, который «сразит всех своей убедительностью». Тимофеев-Ресовский действительно был теоретиком, работающим на подпитывающем эмоциональном фоне открытой дискуссии.

Он работал со своей мыслью на людях, и прервать его рассуждения вряд ли кому-либо было доступно: вставить слово слушателю или оппоненту он давал тогда, когда сам считал нужным. Такие публичные размышления были важны для воспитания культуры мышления у слушателей, наблюдавших, как исходная мысль становится формулой.

Его ерничанье по поводу увлечения ДНК – «ДНКаканье» – в 1960-е годы многих удивляло. Трудно было предположить, чтобы Н. В. не оценивал значимости открытия химической природы вещества наследственности. Дело было все в той же его теоретической натуре: заклинания ДНКой слишком часто прикрывали леность мысли и уводили от дела.

Утверждения лектора, читающего научный доклад, подлежат демократическому обсуждению, а утверждения профессора авторитарны, принимаются без обсуждения – таков закон жанра. В своих выступлениях Н. В. сильно, выпукло и образно выделял, что правильно, а что нет. Многое, о чем мы судим сейчас, говорилось им с позиции человека, в силу колоссального опыта и возраста склонного к менторству. Но этот тон искупался возможностью прикоснуться к работе мысли – вот сейчас, в этот момент времени.

Потребность в аудитории для Николая Владимировича сочеталась с потребностью аудитории в нем. Существует одна сторона научной деятельности, которой следует уделить внимание: это восприятие мысли в научной среде. Мысль, чтобы существовать, должна жить в головах и делах многих. Форма открытой научной деятельности, которая была характерна для Тимофеева-Ресовского, особенно способствовала восприятию, атмосфере сотворчества.

Центральным драматическим событием в судьбе Тимофеева, полно отраженным в книге, является, на мой взгляд, его жизнь в Германии, находящейся в состоянии войны с Советским Союзом. Нет сомнения в том, что жизнь в государстве, воюющем с его народом, глубоко им переживалась. Оказавшись в России, он не делал попыток разьяснить ситуацию. Он рассчитывал только на понимание. И понимание было.

Он не симпатизировал советской власти ни до отъезда в Германию, ни по возвращении. Живя и работая в Советском Союзе, он четко отличал государство — со всеми его отрицательными чертами — от его любимой родины. Он не служил нацизму, хотя находился в нацистской Германии. Родины он не предавал, хотя его склоняли к этому. Это теперь доказано в книге Бабкова и Саканян.

Стандартные сценарии на тему науки – «научная идея» и «научный гений». В стороне остается тема научного народа, научного сообщества. Но именно научному сообществу и гений, и не гений представляют свои труды, оно их оценивает, и им решается их судьба: быть подхваченным и стать прорывом или быть отброшенными на долгое время. Бабков рассказал мне, что в разговорах с исполнительным директором Нобелевского комитета (о номинации в 1950 году Н.В. Тимофеева-Ресовского) был затронут вопрос о малом числе лауреатов среди ученых России. Ответ шокировал меня: советские ученые не выдвигали своих коллег — российский научный народ не ценит своих талантов и гениев!

К чести российской, бывшей советской, научной общественности, во всяком случае, большей ее части, надо сказать, что она безошибочно оценила Тимофеева-Ресовского как свое научное достояние, несмотря на «германское пятно» и официальное отчетливо холодное отношение к нему. Доверие к Тимофееву-Ресовскому людей, не знавших подробностей его пребывания в военной Германии, но отлично осведомленных о зверствах нацистов на родной земле, свидетельствовало и об их интеллектуальной глубине, и об их человеческой интуиции, и о большом сердце. Это доверие не могло не смягчать «несения креста».

Борьба за Тимофеева, как справедливо пишет Е.С. Саканян, была борьбой и за идеалы российского научного сообщества. И началась она еще при его жизни. События, связанные с реабилитацией, ярко описанные в книге, свидетельствуют об очень важном: здоровые силы в культурной и интеллектуальной среде России есть.

Двадцатый век оказался для России неблагоприятным в том отношении, что для ярких личностей вероятность выживания приближалась к нулю. Таким, чтобы выжить,

надо было быть героями. Тимофеев-Ресовский оказался одним из них – благодаря мощи личности, талантам, способности к научному творчеству в любых условиях, включая тюрьму. Двум тоталитарным режимам пришлось терпеть выдающуюся личность из-за ее масштаба и причастности к передовой науке, в ведении которой находились и атомная энергия, и генетический код. Время значимости науки наступало.

Ценность личности Тимофеева-Ресовского для человеческой цивилизации признана мировым сообществом. 2000-й год отмечался ЮНЕСКО как год его 100-летнего юбилея. Кроме уроков, которые преподносят великие личности каждому из нас, жизнь Тимофеева особенно поучительна для ученых и управителей России. Роль науки в обществе растет стремительно, а в новом российском обществе пока нет осознания того, что развитие науки – показатель умственного здоровья нации.

По завершении XX столетия приходится только сожалеть о самых грандиозных его «свершениях»: десятках миллионов загубленных жизней и колоссальных средствах, затраченных на соперничество в мировом масштабе. И ничего нового по этой части по сравнению с XIX, XVIII и т. д. веками. Новое, что приносит каждый век, в другом – в организованном творческом труде и нравственном совершенствовании. В них надежда и спасение человечества. Об этом и книга.

Особенности личности героя, представленные в книге, очень важны для современного исследователя: обыкновенность, столь удобная для обладателя и поощряемая обществом, отрицательно коррелирует с творческими успехами.

Еще живы многие люди, которые были знакомы с Тимофеевым-Ресовским или слышали о нем. В вышедшей книге они найдут материал, многократно превышающий их личные сведения, и еще раз порадуются, что жизнь свела их с этим замечательным человеком.

Книга обращена по преимуществу к научной молодежи. Содержание науки меняется, и первая четверть XXI века, по-видимому, существенно изменит картину научной проблематики. Но те, кто будут строить науку XXI века, смогут опереться на вдохновляющий пример, который дал нам всем Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.

Рецензент статьи: доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН Е.В. Колтунов.